

СТИВЕН КИНГ

ПОСЛЕ ЗАКАТА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Stephen King
JUST AFTER SUNSET

Перевод с английского

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 После заката : [сборник : перевод с английского] /
Стивен Кинг. — Москва : Издательство АСТ, 2025. —
480 с.

ISBN 978-5-17-174126-6 (С.: Эксклюзивная классика)
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*
Дизайн обложки *В. Воронина*

ISBN 978-5-17-177207-9 (С.: Король на все времена)
Серийное оформление *А. Кудрявцева*
Фото автора на обложке: *Shane Leonard*
Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

«Команда скелетов», «Ночная смена», «Все предельно»... Сборники рассказов всегда занимали в творчестве Стивена Кинга особое место.

«После заката» — «чертова дюжина» историй, каждая из которых может считаться образцом жанра.

Тринадцать — хорошее число.

Но легко ли вместе с героями Кинга пережить тринадцать встреч со Злом, Тьмой и Ужасом?..

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 2008

 Школа перевода В. Баканова, 2025

© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

Посвящается Хайди Питлор

Могу представить, что ты там разглядел. Да, все это, конечно, страшно, но в конце-то концов это лишь старая сказка, древняя мистерия... Такие силы нельзя назвать, о них невозможно говорить, их даже нельзя вообразить. Можно лишь пощупать покров, лежащий на них, — символ, понимаемый большинством просто как поэтическая прихоть, а то и глупая сказка. Во всяком случае, мы с тобой уже кое-что знаем о том кошмаре, который обитает в тайных закоулках жизни, скрывшись под человеческой плотью. Он, бесформенный, присвоил чужую форму. Как такое могло случиться, Остин? Нет, как такое может быть? И почему тогда солнце не померкнет, почему не расплавится и не закипит под такой ношей земля?

Артур Мейчен. Великий бог Пан*

---

* Перевод А. Егазарова.

Предисловие

Как-то раз в 1972 году я пришел домой с работы и застал жену за кухонным столом с садовыми ножницами в руках. Она улыбнулась, из чего я сделал вывод, что не все так страшно, а потом потребовала у меня бумажник. Тут я, конечно, насторожился. Жена порылась в бумажнике, нашла топливную карту компании «Тексако», позволявшую заправляться в кредит (их тогда рассылали по почте всем молодым семьям), и разрежала ее на три равные части. В ответ на мои возражения — карточка, мол, удобная, и на минимальный платеж в конце месяца нам всегда хватает, а иногда и больше удается закрыть, — она лишь покачала головой и сказала, что таких процентов наш хрупкий семейный бюджет выдержать не может. «Лучше убрать все соблазны, — добавила она. — Свою я уже разрежала».

И действительно, следующие два года мы обходились без кредиток.

Это оказалось очень правильным, *мудрым* решением с ее стороны, ведь нам было по двадцать с небольшим лет, а мы уже успели обзавестись двумя детьми и едва сводили концы с концами. Я преподавал английский в старших классах, летом же подра-

батывал в прачечной: стирал постельное белье из мотелей и время от времени развозил его по адресам на служебном грузовике. Тэбби днем занималась детьми, писала стихи, пока они спали, а вечером, когда я приходил домой, отработывала полную смену в «Данкин донатс». Нашего совместного дохода было достаточно на оплату жилья, продуктов, подгузников для младшего, а вот на телефон уже не хватало, и мы отказались от него точно так же, как от топливных карточек. Слишком велик был соблазн подольше поболтать с кем-нибудь по межгороду. Иногда оставалось немного денег на книги — мы оба не могли без них жить, — и на мои дурные привычки (пиво и сигареты), но не более того. И уж точно мы не могли позволить себе платить втридорога за привилегию носить в кармане очень удобный, но в конечном счете опасный кусок пластика.

Когда удавалось заработать чуть больше обычно, деньги уходили на ремонт машины, врачей и еще на то, что мы с Тэбби называли «детской лабудой»: игрушки, подержанный манеж, кошмарные детские книжицы Ричарда Скарри. Тут как нельзя кстати приходились мои рассказы, которые я иногда призраивал в мужские журналы вроде «Cavalier», «Dude» и «Adam». В те дни я и не помышлял о серьезной литературе и любые разговоры о «художественной ценности» моего творчества были для меня такой же роскошью, как топливная карточка «Тексако». Рассказы были просто дополнительным источником дохода (да и то не всегда), неожиданной радостью. Каждый из них представлялся мне эдакой пиньятой, только для получения сладкого приза требовалась не палка, а сила воображения. Порой я действительно срывал куш, и тогда мне на голову сыпались доллары. А порой оставался ни с чем.

Мне страшно повезло (по правде говоря, мне вообще всю жизнь везет, и не только в этом): работа была в радость. На тех рассказах я отводил душу, оттягивался по полной. Они сыпались из меня, точно из рога изобилия, сменяя друг друга, как рок-хиты по радио, что непрерывно играло в стиральном цеху, заменившем мне кабинет.

Я работал быстро, на износ и после второй правки редко возвращался к написанному. Я не задумывался о том, откуда берутся идеи или чем структура хорошего рассказа отличается от структуры романа, не забивал себе голову мыслями о временных рамках, о развитии персонажа, его происхождении и прошлом. Я писал по наитию, полагаясь исключительно на свое чутье и юношескую самоуверенность. Главное, что поток не пересыхал, а остальное неважно. Мне было невдомек, что умение писать рассказы — очень хрупкий навык, который без постоянной практики быстро утрачивается. Я этой хрупкости не чувствовал, мои рассказы шли напролом, как бульдозеры.

Известно, что именитые американские романисты почти не пишут рассказов. Думаю, финансовый вопрос тут ни при чем; успешным авторам можно не беспокоиться о деньгах. Скорее, когда романисту надо запихнуть целый мир в семьдесят тысяч слов, у него начинается что-то вроде творческой клаустрофобии. А может, со временем навык миниатюризации утрачивается сам собой. Да, разучиться ездить на велосипеде невозможно, и таких навыков немало, однако умение писать рассказы к ним не относится. Разучиться легко. В конце 1980-х и в 1990-е я все реже садился за малую прозу, а если и садился, то рассказы получались все длиннее и длиннее (парочка таких попала в этот сборник). Это еще ладно. Были и такие

истории, которые я просто не успевал записать, поскольку заканчивал очередной роман или принимался за следующий. Идеи теснились у меня в голове, просились на бумагу. Некоторые я в конце концов записал, остальные так и пропали, разлетелись, как пыль по ветру.

Хуже всего, что были и другие — те, к которым я просто не знал, как подступиться. Меня это тревожило. Я понимал, что тогда, сидя за маленькой Тэббиной машинкой «Оливетти портабл» в стиральном цеху, я запросто их записал бы, но теперь, хотя я стал старше, матерее, отточил навыки и работаю на куда более дорогостоящем оборудовании — вроде «мака», за которым сейчас сижу, — эти истории от меня ускользают. Помню, как запорол одну, и у меня в голове возникла картинка: стареющий кузнец растерянно вертит в руках превосходный толедский клинок и думает: «А ведь когда-то и я так умел...»

И вот однажды, года три-четыре назад, мне пришло письмо от Катрины Кенисон — редактора антологии «Лучшие американские рассказы» (позднее ее сменила на этом посту Хайди Питлор, которой посвящена данная книга). Мисс Кенисон спрашивала, не желаю ли я выступить редактором готовящегося выпуска 2006 года. Я немедленно согласился, не взяв ни дня, ни даже пары часов на размышления. Мотивы у меня были самые разные, в том числе альтруистические, но я буду последним лгуном, если не признаюсь, что корыстные все же преобладали. Стоит начитать добротной малой прозы, рассуждал я, — лучшей из того, что могут предложить современные литературные журналы, — как я, глядишь, воспряну и верну себе ускользающую легкость пера. Деньги меня не волновали. Это в юности на скромный гоно-

рар от удачно пристроенного рассказа можно было купить новый глушитель для подержанного авто или подарок жене на день рождения, а теперь я не променял бы свое мастерство даже на пухлый бумажник, доверху набитый кредитками.

За тот год в роли приглашенного редактора я прочел несколько сотен рассказов, но распространяться о них не буду; если вам интересно, купите сборник и изучите предисловие (заодно порадуете себя двадцатью отменными рассказами, а это, поверьте, дорогого стоит). Самое главное, что ко мне вернулся юношеский кураж, и я опять начал писать по-старому. Да, на то и был расчет, однако я не смел надеяться, что это действительно произойдет. Первой появилась на свет «Уилла», которая и открывает данный сборник.

Хороши ли мои «новые» рассказы? Надеюсь. Помогут ли они скоротать вам время в самолете (если вы читаете бумажную версию) или за рулем (если слушаете аудиокнигу)? *Очень* надеюсь, ведь, когда такое происходит, это и есть настоящая магия.

Мне очень понравилось их писать, это факт. И надеюсь, вам понравится их читать. Надеюсь, они вас захватят. А я обязуюсь и дальше сочинять рассказы, пока еще помню, как это делается.

Ах да, чуть не забыл. Знаю, некоторым читателям интересно узнать, откуда берутся те или иные мои идеи. Если вы из таких читателей, в конце книги вас ждет «бонус-трек». Но если вы прочтете эти заметки раньше, чем сами рассказы, стыд вам и позор.

Что ж, не буду вас больше задерживать. Только позвольте поблагодарить за то, что пришли. Стал бы я писать, если бы вас не было? Да, определенно. Уж

очень мне нравится смотреть, как из слов получается картинка, а потом картинка оживает и выдуманные люди совершают удивительные дела. Но с тобой гораздо лучше, Постоянный Читатель.

С тобой всегда лучше.

*Сарасота, Флорида.
25 февраля 2008 года.*

Уилла

Ты дальше своего носа ничего не видишь, сказала она. Может, отчасти он и заслужил ее насмешки, но не такой уж он был и слепой. Например, сейчас, когда последние закатные всполохи угасли и небо над хребтом Уинд-Ривер затянула рыжеватая мгла, Дэвид окинул взглядом станцию и заметил, что Уиллы нигде нет. Он твердо сказал себе, что такого не может быть, но то был голос разума, а сердце уже давно ушло в пятки.

Дэвид отправился на поиски Лэндера, которому Уилла вроде пришлась по душе. По крайней мере, он назвал ее «боевой девкой», когда та обозвала железнодорожную компанию «Амтрак», по чьей милости они тут застряли, теми еще сволочами. Остальным Уилла не нравилась вовсе, что бы они там ни думали об «Амтраке».

— Воняет черствыми крекерами! — заорала Хелен Палмер, когда Дэвид проходил мимо нее.

Она опять оккупировала свою излюбленную скамейку в углу. Ее муж отошел ненадолго, и за миссис Палмер сейчас присматривала женщина по фамилии Райнхарт. Она улыбнулась Дэвиду.

— Вы не видели Уиллу? — спросил Дэвид.

Райнхарт помотала головой.

— А на ужин опять рыба! — истошно завопила миссис Палмер; на ее виске вздулось сплетение синих вен. — Не понос, так золотуха!

Несколько человек обернулись на ее крик.

— Тише, тише, Хелен, — принялась успокаивать ее Райнхарт.

Возможно, ее звали Салли, но Дэвид запомнил бы такое имя. В наше время его нечасто услышишь. Миром теперь правят имена Эмбер, Эшли и Тифани. Уилла — тоже вымирающий вид. От этой мысли сердце у него опять ушло в пятки.

— Крекерами! — выплюнула Хелен. — Мерзкими черствыми крекерами несет!

Генри Лэндер сидел на скамейке под часами, обняв за плечи жену. Не успел Дэвид к нему обратиться, как он покачал головой.

— Ее здесь нет. Сожалею. Если в город пошла, считай, тебе повезло. А то ведь и вовсе сбежать могла. — Он оттопырил большой палец, изображая автоstopщика на дороге.

Дэвид не верил, что его невеста могла в одиночку рвануть автостопом на запад — ну, бред же! — однако здесь ее действительно не было. Он это понял еще до того, как пересчитал всех пассажиров по головам. Вспомнилась строчка из старого стихотворения о зиме: «Вой пустоты, и в сердце пустота...»*

Станция представляла собой узкий дощатый тоннель. По всей ее длине люди либо бесцельно слонялись туда-сюда, либо сидели на лавках под флуоресцентными лампами. Плечи сидевших были по-особому ссутулены — как у тех, кто уже очень давно ждет,

---

* Дж. К. Рэнсом «Воспоминания о зиме».

когда все неисправное исправят и можно будет продолжить прерванное путешествие. Мало кто оказывался в таком захолустье, как Кроухарт-Спрингс, штат Вайоминг, по собственной воле.

— Только не вздумай бежать за ней, Дэвид, — сказала Рут Лэндер. — Уже темно, а вокруг станции кто только ни бродит. Ладно бы койоты! Тот колченогий коммивояжер сказал, что видел у склада, возле путей, двух волков.

— Биггера его фамилия, — вставил Генри.

— Да хоть Джек-потрошитель, мне-то что! — воскликнула Рут. — Я хочу сказать, что места тут опасные. Мы уже не в Канзасе, Дэвид.

— Но если...

— Она ушла еще днем, когда было светло, — перебил его Генри Лэндер.

Будто дневной свет помешал бы волку (или медведю) напасть на одинокую беззащитную женщину. Хотя, может, и помешал бы. Дэвид не считал себя большим знатоком дикой природы. Он специалист инвестиционного отдела в банке, притом молодой специалист.

— Если за нами пришлют другой поезд, а ее тут не будет, она на него не попадет!

Никак не удавалось донести до них эту простую мысль. Стариканы «не въезжали», по модному выражению его коллег из чикагского офиса.

Генри приподнял брови.

— Хочешь сказать, если вы оба его пропустите, будет лучше?

Если они оба не попадут на поезд, то вместе дождутся следующего или найдут междугородний автобус. Генри и Рут должны это понимать! А может, не должны... Глядя на них — да, определенно глядя дальше своего носа, — он видел главным образом уста-

лость, ту особую усталость, что одолевает людей, временно застрявших между мирами. В конце концов, здесь никому нет дела до Уиллы. Никому, кроме Дэвида Сандерсона. Многие успели ее невзлюбить. Урсула Дэвис, редкая стерва, даже сказала, что если бы мать Уиллы убрала из ее имени букву «а» в конце, «оно бы идеально ей подошло».

— Я иду в город, — решил Дэвид.

Генри вздохнул.

— Сынок, это очень глупо.

— Мы не поженимся в Сан-Франциско, если моя невеста останется в Кроухарт-Спрингс, — попытался отшутиться он.

Мимо проходил Дадли. Дэвид не знал, имя это или фамилия, знал только, что Дадли — начальник отдела закупок в сети «Стейплс» и едет в Мизулу на какой-то слет региональных менеджеров. Обычно он вел себя тихо, поэтому исторгнутый им в сгущающуюся тьму ослиный вопль даже не удивил, а напугал окружающих.

— Если поезд уйдет без вас, — вскричал он, — можете разыскать местного мирового судью и пожениться прямо тут. Когда вернетесь на восток, будете рассказывать друзьям, что у вас была настоящая ковбойская свадьба. И-и-и-ха-а, дружище!

— Не уходи, Дэвид, — сказал Генри. — Ждать осталось недолго.

— Предлагаете ее бросить? Да вы не в своем уме!

Не дожидаясь ответа от Лэндеров, он зашагал прочь. На соседней скамейке сидела Джорджия Эндрисон. Она наблюдала, как ее дочь в красном дорожном платье скачет по грязному кафельному полу. Пэмми Эндрисон не знала усталости. Дэвид попытался вспомнить, спала ли она хоть раз с тех пор, как их поезд сошел с рельс неподалеку от станции Уинд-

Ривер и они застряли здесь, как потерявшаяся посылка в заброшенном почтовом отделении. Может, один раз девочка положила голову маме на колени. А может, это было ложное воспоминание, вызванное его уверенностью, что пятилетние дети должны много спать. Проказница Пэмми скакала с плитки на плитку, превратив пол станции в гигантские «классики». Подол платяца то и дело задирался, открывая пухлые колени.

— Жил-был мальчик по имени Бад, — выпевала она монотонным высоким голоском, от которого сводило скулы. — Он упал и отшиб себе зад. Жил-был мальчик по имени Дэвид. Он упал и отшиб себе бэвид. — Она захихикала и показала пальцем на Дэвида.

— Пэмми! — осадил ее Джорджия Эндрисон.

Она улыбнулась, убирая за ухо прядь волос; в этом жесте сквозила неизъяснимая усталость. Бедной женщине предстоит очень долгая дорога в компании неутомимой Пэмми, подумал Дэвид, особенно если учесть, что мистера Эндрисона явно не существует в природе.

— Вы не видели Уиллу? — спросил он.

— Ушла, — ответила Джорджия, указав ему на дверь с табличкой «К ОСТАНОВКЕ МАРШРУТНОГО ТРАНСПОРТА И ТАКСИ. О СВОБОДНЫХ НОМЕРАХ В ГОСТИНИЦЕ МОЖНО УЗНАТЬ ПО БЕСПЛАТНОМУ ТЕЛЕФОНУ».

К Дэвиду приковывлял Биггерс.

— На вашем месте я без хорошей винтовки отсюда не выходил бы. Там волки. Своими глазами их видел.

— Жила-была девочка по имени Уилла, — запела Пэмми, — она разозлилась и всех придушила... — Девочка с хохотом повалилась на пол.